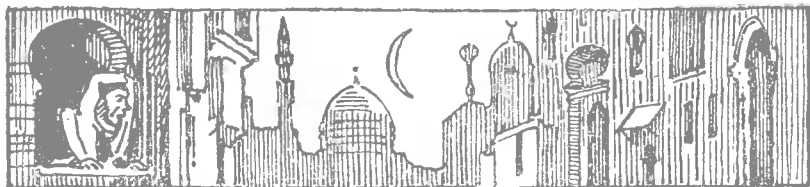

В. ГАУФ
МАЛЕНЬКИЙ
МУК

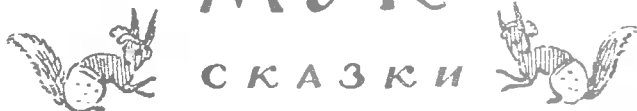

ДЕТГИЗ
1952

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

В. ГАУФ
МАЛЕНЬКИЙ
МУК

СКАЗКИ

ПЕРЕВОД
С НЕМЕЦКОГО
М. САЛЪЕ

РИСУНКИ
В. АЛФРЕЕВСКОГО

Государственное Издательство Детской Литературы
Министерства Просвещения РСФСР
Москва 1952 Ленинград

СОДЕРЖАНИЕ

Маленький Мук	3
Карлик Нос	27

МАЛЕНЬКИЙ МУК

В городе Никее, на моей родине, жил человек, которого звали Маленький Мук. Хотя я был тогда мальчиком, я очень хорошо его помню, тем более что мой отец как-то задал мне из-за него здоровую трёпку. В то время Маленький Мук был уже стариком, но рост имел крошечный. Вид у него был довольно смешной: на маленьком, тощем тельце торчала огромная голова, гораздо больше, чем у других людей.

Маленький Мук жил в большом старом доме совсем один. Даже обед он себе сам стряпал. Каждый полдень над его домом появлялся густой дым; не будь этого, соседи не знали бы, жив карлик или умер. Маленький Мук выходил на улицу только раз в месяц — каждое первое число. Но по вечерам люди часто видели, как Маленький Мук гуляет по плоской крыше

своего дома. Снизу казалось, будто одна огромная голова движется взад и вперёд по крыше.

Я и мои товарищи были злые мальчишки и любили дразнить прохожих. Когда Маленький Мук выходил из дому, для нас был настоящий праздник. В этот день мы толпой собирались перед его домом и ждали, пока он выйдет. Вот осторожно раскрывалась дверь. Из неё высовывалась большая голова в огромной чалме. За головой следовало всё тело в старом, полинялом халате и просторных шароварах. У широкого пояса болтался кинжал, такой длинный, что трудно было сказать — кинжал ли прицеплен к Муку, или Мук прицеплен к кинжалу.

Когда Мук наконец выходил на улицу, мы приветствовали его радостными криками и плясали вокруг него, точно шальные. Маленький Мук с важностью кивал нам головой и медленно шёл по улице, громко шлёпая туфлями. Туфли у него были прямо огромные — таких никто никогда раньше не видал. А мы, мальчишки, бежали за ним и кричали: «Маленький Мук! Маленький Мук!» Мы даже сочинили про него такую песенку:

Крошка Мук, крошка Мук,
Оглянись скорей вокруг,
Оглянись скорей вокруг
И поймай нас, крошка Мук!

Мы часто потешались над бедным карликом, и приходится сознаться, хоть мне и стыдно, что я больше всех обижал его. Я всегда норовил схватить Мука за полу халата, а раз даже нарочно наступил ему на туфлю так, что бедняга упал. Это показалось мне очень смешно, но у меня сразу пропала охота смеяться, когда я увидел, что Маленький Мук, с трудом поднявшись, пошёл прямо к дому моего отца. Он долго не выходил оттуда. Я спрятался за дверь и с нетерпением ожидал, что будет дальше.

Наконец дверь открылась, и карлик вышел. Отец

проводил его до порога, почтительно поддерживая под руку, и низко поклонился ему на прощанье. Я чувствовал себя не очень-то приятно и долго не решался вернуться домой. Наконец голод пересилил мой страх, и я робко проскользнул в дверь, не смея поднять голову.

— Ты, я слышал, обижаешь Маленького Мука, — строго сказал мне отец. — Я расскажу тебе его приключения, и ты, наверно, больше не станешь смеяться над бедным карликом. Но сначала ты получишь то, что тебе полагается.

А полагалась мне за такие дела хорошая порка. Отсчитав шлепков сколько следует, отец сказал:

— Теперь слушай внимательно.

И он рассказал мне историю Маленького Мука.

Отец Мука (на самом деле его звали не Мук, а Мукра) жил в Никее и был человек почтенный, но небогатый. Так же как Мук, он всегда сидел дома и редко выходил на улицу. Он очень не любил Мука за то, что тот был карлик, и ничему не учил его.

— Ты уже давно сносишь свои детские башмаки, — говорил он карлику, — а всё только шалишь и бездельничаешь.

Как-то раз отец Мука упал на улице и сильно ушибся. После этого он заболел и вскоре умер. Маленький Мук остался совсем один, без гроша денег. Родственники отца выгнали Мука из дому и сказали:

— Иди по свету, может и найдёшь своё счастье.

Мук выпросил себе только старые штаны и куртку — всё, что осталось после отца. Отец у него был высокий и толстый, но карлик, недолго думая, укоротил и куртку и штаны и надел их. Правда, они были слишком широки, но с этим уж карлик ничего не мог поделать. Он обмотал голову вместо чалмы полотенцем, прицепил к поясу кинжал, взял в руку палку и пошёл куда глаза глядят.

Скоро он вышел из города и целых два дня шёл по большой дороге. Он очень устал и проголодался. У него не было с собой никакой пищи, и он ел одни коренья, которые росли в поле. А ночевать ему приходилось прямо на голой земле.

На третий день утром он увидел с вершины холма большой, красивый горд, украшенный флагами и знамёнами. Маленький Мук собрал последние силы и пошёл к этому городу.

«Может быть, я наконец найду там своё счастье», — говорил он сам себе.

Хотя казалось, что город совсем близко, но Муку пришлось идти до него целое утро. Только в полдень он наконец достиг городских ворот. Город был весь застроен красивыми домами. Широкие улицы были полны народа. Маленькому Муку очень хотелось есть, но никто не открыл перед ним двери и не пригласил его зайти и отдохнуть.

Карлик уныло брёл по улицам, еле волоча ноги. Он проходил мимо одного высокого, красивого дома, и вдруг в этом доме распахнулось окно и какая-то старуха, высунувшись, закричала:

Сюда, сюда —
Готова еда!
Столик накрыт,
Чтоб каждый был сыт.
Соседи, сюда —
Готова еда!

И сейчас же двери дома открылись, и туда стали входить собаки и кошки — много-много кошек и собак. Мук подумал, подумал и тоже вошёл. Как раз

перед ним вошли двое котят, и он решил не отставать от них — котята-то, уж наверно, знали, где кухня.

Мук поднялся наверх по лестнице и увидел ту старуху, которая кричала из окна.

— Что тебе нужно? — сердито спросила старуха.

— Ты звала обедать, — сказал Мук, — а я очень голоден. Вот я и пришёл.

Старуха громко рассмеялась и сказала:

— Откуда ты взялся, парень? Все в городе знают, что я варю обед только для моих милых кошек. А чтобы им не было скучно, я приглашаю к ним соседей.

— Накорми уж и меня заодно, — попросил Мук.

Он рассказал старухе, как ему пришлось туго, когда умер его отец, и старуха пожалела его. Она досыта накормила карлика и, когда Маленький Мук наелся и отдохнул, сказала ему:

— Знаешь что, Мук? Оставайся-ка ты у меня служить. Работа у меня лёгкая, и жить тебе будет хорошо.

Муку понравился кошачий обед, и он согласился. У госпожи Ахавзи (так звали старуху) было два кота и четыре кошки. Каждое утро Мук расчёсывал им шерстку и натирал её драгоценными мазями. За обедом он подавал им еду, а вечером укладывал их спать на мягкой перине и укрывал бархатным одеялом.

Кроме кошек, в доме жили ещё четыре собаки. За ними карлику тоже приходилось смотреть, но с собаками возни было меньше, чем с кошками. Кошек госпожа Ахавзи любила, точно родных детей.

Маленькому Муку было у старухи так же скучно, как у отца: кроме кошек и собак, он никого не видел.

Сначала карлику всё-таки жилось неплохо. Работы не было почти никакой, а кормили его сытно, и старуха была им очень довольна. Но потом кошки что-то избаловались. Только старуха за дверь — они сейчас же давай носиться по комнатам как бешеные. Все вещи разбрасают, да ещё посуду дорогую перебивют. Но стоило им услышать шаги Ахавзи на лестнице, они мигом — прыг на перину, свернутся калачиком, подожмут хвосты и лежат как ни в чём не бывало. А старуха видит, что в комнате разгром, и ну ругать Маленького Мука. Пусть сколько хочет оправдывается — она больше верит своим кошкам, чем слуге. По кошкам сразу видно, что они ни в чём не виноваты.

Бедный Мук очень горевал и наконец решил уйти от старухи. Госпожа Ахавзи обещала платить ему жалованье, да всё не платила.

«Вот получу с неё жалованье, — думал Маленький Мук, — сразу уйду. Если бы я знал, где у неё спрятаны деньги, давно бы сам взял, сколько мне следует».

В доме старухи была маленькая комнатка, которая всегда стояла запертой. Муку было очень любопытно, что такое в ней спрятано. И вдруг ему пришло на ум, что в этой комнате, может быть, лежат старухины деньги. Ему ещё больше захотелось войти туда.

Как-то раз утром, когда Ахавзи ушла из дому, к Муку подбежала одна из собачонок и схватила его за полу (старуха очень не любила эту собачонку, а Мук, напротив, часто гладил и ласкал её). Собачонка тихо визжала и тянула карлика за собой. Она привела его в спальню старухи и остановилась перед маленькой дверью, которую Мук никогда раньше не замечал.

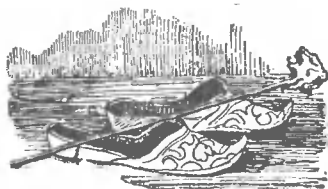
Собака толкнула дверь и вошла в какую-то комнату. Мук пошёл за ней и застыл на месте от удивления: он оказался в той самой комнате, куда ему так давно хотелось попасть.

Вся комната была полна старых платьев и диковинной старинной посуды. Муку особенно понравился один кувшин — хрустальный, с золотыми рисунками. Он взял его в руки и начал рассматривать, и вдруг крышка кувшина — Мук и не заметил, что кувшин был с крышкой — упала на пол и разбилась.

Бедный Мук не на шутку испугался. Теперь уж рассуждать не приходилось — надо было бежать: когда старуха вернётся и увидит, что он разбил крышку, она избьёт его до полусмерти.

Мук в последний раз оглядел комнату, и вдруг он увидел в углу туфли. Они были очень большие и некрасивые, но его собственные башмаки совсем развалились. Муку даже понравилось, что туфли такие большие — когда он их наденет, все увидят, что он уже не ребёнок.

Он быстро скинул башмаки с ног и надел туфли. Рядом с

туфлями стояла тоненькая тросточка с львиной головой.

«Эта тросточка всё равно стоит здесь без дела, — подумал Мук. — Возьму уж и тросточку кстати».

Он захватил тросточку и бегом побежал к себе в комнату. В одну минуту он надел плащ и чалму, при-

цепил кинжал и помчался вниз по лестнице, торопясь уйти до возвращения старухи.

Выйдя из дома, он пустился бежать и мчался без оглядки, пока не выбежал из города в поле. Тут карлик решил немного отдохнуть. И вдруг он почувствовал, что не может остановиться. Ноги у него бежали сами и тащили его, как он ни старался их задержать. Он и падать пробовал и поворачиваться — ничего не помогало. Наконец он понял, что всё дело в его новых туфлях. Это они толкали его вперёд и не давали остановиться.

Мук совсем выбился из сил и не знал, что ему делать. В отчаянии он взмахнул руками и закричал, как кричат извозчики:

— Тпру! Тпру! Стой!

И вдруг туфли сразу остановились, и бедный карлик со всего маху упал на землю.

Он до того устал, что сразу заснул. И приснился ему удивительный сон. Он увидел во сне, что маленькая собачка, которая привела его в потайную комнату, подошла к нему и сказала:

— Милый Мук, ты ещё не знаешь, какие у тебя чудесные туфли. Стоит тебе три раза повернуться на каблуке, и они перенесут тебя, куда ты захочешь. А тросточка поможет тебе искать клады. Там, где зарыто золото, она стукнет о землю три раза, а там, где зарыто серебро, она стукнет два раза.

Когда Мук проснулся, он сразу захотел проверить, правду ли сказала маленькая собачонка. Он поднял левую ногу и попробовал повернуться на правом каблуке, но упал и больно ударился носом о землю. Он попытался ещё и ещё раз и наконец научился вертеться на одном каблуке и не падать. Тогда он потуже затянул пояс, быстро перевернулся три раза на одной ноге и сказал туфлям:

— Перенесите меня в соседний город.

И вдруг туфли подняли его на воздух и быстро, как ветер, побежали по облакам. Не успел Маленький Мук опомниться, как очутился в городе, на базаре.

Он присел на завалинке около какой-то лавки и стал думать, как бы ему раздобыть хоть немного денег. У него, правда, была волшебная тросточка, но как узнать, в каком месте спрятано золото или серебро, чтобы пойти и найти его? На худой конец, он мог бы показываться за деньги, но для этого он слишком горд.

И вдруг Маленький Мук вспомнил, что он умеет теперь быстро бегать.

«Может быть, мои туфли принесут мне доход, — подумал он. — Попробую-ка я наняться к королю в скороходы».

Он спросил хозяина лавки, как пройти во дворец, и через каких-нибудь пять минут уже подходил к дворцовым воротам. Привратник спросил его, что ему нужно, и, узнав, что карлик хочет поступить к королю на службу, повёл его к начальнику рабов. Мук низко поклонился начальнику и сказал ему:

— Господин начальник, я умею бегать быстрее всякого скорохода. Возьмите меня к королю в гонцы.

Начальник презрительно посмотрел на карлика и сказал с громким смехом:

— У тебя ножки тоненькие, как палочки, а ты хочешь поступить в скороходы! Убирайся подобру-по-

здорову. Я не для того поставлен начальником рабов, чтобы всякий урод надо мной потешался!

— Господин начальник, — сказал Маленький Мук, — я не смеюсь над вами. Давайте спорить, что я обгоню вашего самого лучшего скорохода.

Начальник рабов расхохотался ещё громче прежнего. Карлик показался ему до того забавным, что он решил не прогонять его и рассказать о нём королю.

— Ну ладно, — сказал он, — так уж и быть, я испытаю тебя. Ступай на кухню и готовься к состязанию. Тебя там накормят и напоят.

Потом начальник рабов отправился к королю и рассказал ему про диковинного карлика. Король захотел повеселиться. Он похвалил начальника рабов за то, что тот не отпустил Маленького Мука, и приказал ему устроить состязание вечером на большом лугу, чтобы все его приближённые могли прийти посмотреть.

Принцы и принцессы услышали, какое будет вечером интересное зрелище, и рассказали своим слугам, а те разнесли эту новость по всему дворцу. И вечером все, у кого только были ноги, пришли на луг посмотреть, как будет бегать этот хвостун-карлик.

Когда король с королевой сели на свои места, Маленький Мук вышел на середину луга и отвесил низкий поклон. Со всех сторон раздался громкий хохот. Уж очень этот карлик был смешон в своих широких шароварах и длинных-предлинных туфлях. Но Маленький Мук нисколько не смутился. Он с гордым видом опёрся на свою тросточку, подбоченился и спокойно ждал скорохода.

Вот наконец появился и скороход. Начальник рабов выбрал самого быстрого из королевских бегунов. Ведь Маленький Мук сам захотел этого.

Скороход презрительно посмотрел на Мука и стал с ним рядом, ожидая знака начинать состязание.

— Раз, два, три! — крикнула принцесса Амарза, старшая дочь короля, и взмахнула платком.

Оба бегуна сорвались с места и помчались как стрела. Сначала скороход немножко обогнал карлика, но вскоре Мук настиг его и опередил. Он уже давно стоял у цели и обмахивался концом своей чалмы, а королевский скороход всё ещё был далеко. Наконец и он добежал до конца и, как мёртвый, повалился на землю. Король и королева захлопали в ладоши, и все придворные в один голос закричали:

— Да здравствует победитель — Маленький Мук!

Маленького Мука подвели к королю. Карлик низко поклонился ему и сказал:

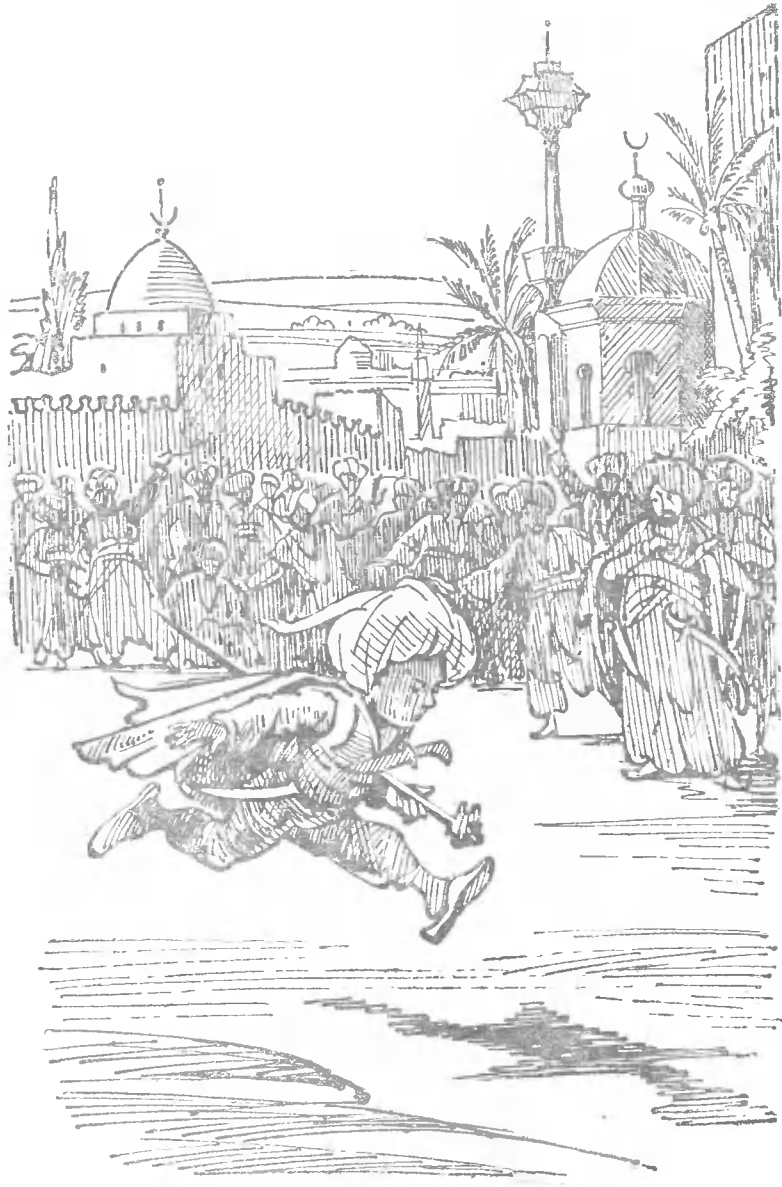
— О могущественный король! Я сейчас показал тебе только часть моего искусства. Возьми меня к себе на службу.

— Хорошо, — сказал король. — Я назначаю тебя моим личным скороходом. Ты всегда будешь находиться при мне и исполнять мои поручения.

Маленький Мук очень обрадовался — наконец-то он нашёл своё счастье! Теперь он может жить безбедно и спокойно.

Король высоко ценил Мука и постоянно оказывал ему милости. Он посылал карлика с самыми важными поручениями, и никто лучше Мука не умел их исполнять. Но остальные королевские слуги были недовольны. Им очень не нравилось, что ближе всех к королю стал какой-то карлик, который только и умеет, что бегать. Они то и дело сплетничали на него королю, но король не хотел их слушать. Он всё больше и больше доверял Муку и вскоре назначил его главным скороходом.

Маленького Мука очень огорчало, что придворные ему так завидуют. Он долго старался что-нибудь придумать, чтобы они его полюбили. И наконец он вспомнил про свою тросточку, о которой совсем было позабыл.

«Если мне удастся найти клад, — раздумывал он, — эти гордые господа, наверно, перестанут меня ненавидеть. Говорят, что старый король, отец теперешнего, зарыл в своём саду большие богатства, когда к его городу подступили враги. Он, кажется, так и умер, никому не сказав, где закопаны его сокровища».

Маленький Мук только об этом и думал. Он целыми днями ходил по саду с тросточкой в руках и искал золото старого короля.

Как-то раз он гулял в отдалённом углу сада, и вдруг тросточка у него в руках задрожала и три раза ударила о землю. Маленький Мук весь затрясся от волнения. Он побежал к садовнику и выпросил у него большой заступ, а потом вернулся во дворец и стал ждать, когда стемнеет. Как только наступил вечер, карлик отправился в сад и начал копать в том месте, где стукнула палочка. Заступ оказался слишком тяжёл для слабых рук карлика, и он за час выкопал яму глубиной в каких-нибудь пол-аршина.

Долго ещё трудился Маленький Мук, и наконец его заступ ударился обо что-то твёрдое. Карлик наклонился над ямой и нащупал руками в земле какую-то железную крышку. Он поднял эту крышку и обомлел. При свете луны перед ним засверкало золото. В яме стоял большой горшок, доверху наполненный золотыми монетами.

Маленький Мук хотел вытащить горшок из ямы, но не мог: не хватило сил. Тогда он напихал в карманы и за пояс как можно больше золотых и потихоньку вернулся во дворец. Он спрятал деньги у себя в постели под периной и лёг спать, довольный и радостный.

На другое утро Маленький Мук проснулся и подумал: «Теперь всё переменится, и мои враги будут меня любить».

Он принялся раздавать своё золото направо и на-

лево, но придворные стали только ещё больше ему завидовать. Главный повар Ахули злобно шептал:

— Смотрите, Мук делает фальшивые деньги.

Ахмед, начальник рабов, говорил:

— Он выпросил их у короля.

А казначей Архаз, самый злой враг карлика, который уже давно тайком запускал руку в королевскую сокровищницу, кричал на весь дворец:

— Карлик украл золото из королевской казны!

Чтобы наверняка узнать, откуда у Мука взялись деньги, его враги сговорились между собой и придумали такой план.

У короля был один любимый слуга, Корхуз. Он всегда подавал королю кушанья и наливал вино в его кубок. И вот как-то раз этот Корхуз пришёл к королю грустный и печальный. Король сразу заметил это и спросил:

— Что с тобой сегодня, Корхуз? Почему ты такой грустный?

— Я грустный потому, что король лишил меня своей милости, — ответил Корхуз.

— Что ты болтаешь, мой добрый Корхуз! — сказал король. — С каких это пор я лишил тебя своей милости?

— С тех пор, ваше величество, как к вам поступил ваш главный скороход, — ответил Корхуз. — Вы осыпаете его золотом, а нам, вашим верным слугам, не даёте ничего.

И он рассказал королю, что у Маленького Мука появилось откуда-то много золота и что карлик без счёту раздаёт деньги всем придворным. Король очень удивился и велел позвать к себе Архазу — своего казначея, и Ахмеда — начальника рабов. Те подтвердили, что Корхуз говорит правду. Тогда король приказал своим сыщикам потихоньку проследить и узнать, откуда карлик достаёт деньги.

На беду, у Маленького Мука как раз в этот день

вышло всё золото, и он решил сходить в свою сокровищницу. Он взял заступ и отправился в сад. Сыщики, конечно, пошли за ним, Корхуз и Архаз — тоже. В ту самую минуту, когда Маленький Мук наложил полный халат золота и хотел идти обратно, они бросились на него, связали ему руки и повели его к королю.

А этот король очень не любил, когда его будили среди ночи. Он встретил своего главного скорохода злой и недовольный и спросил сыщиков:

— Где вы накрыли этого бесчестного карлика?

— Ваше величество, — сказал Архаз, — мы поймали его как раз в ту минуту, когда он зарывал это золото в землю.

— Правду ли они говорят? — спросил король карлика. — Откуда у тебя столько денег?

— Милостивый король, — простодушно ответил карлик, — я ни в чём не виноват. Когда ваши люди

меня схватили и связали мне руки, я не зарывал это золото в яму, а, напротив, вынимал его оттуда.

Король решил, что Маленький Мук всё лжёт, и страшно рассердился.

— Несчастный! — закричал он. — Ты сначала меня обокрал, а теперь хочешь обмануть такой глупой ложью! Казначей! Правда ли, что здесь как раз столько золота, сколько не хватает в моей казне?

— В вашей казне, милостивый король, не хватает гораздо больше, — ответил казначей. — Могу поклясться, что это золото украдено из королевской сокровищницы.

— Заковать карлика в железные цепи и посадить его в башню! — закричал король. — А ты, казначей, пойдёшь в сад, возьми всё золото, которое найдёшь в яме, и положи его обратно в казну.

Казначей исполнил приказание короля и принёс горшок с золотом в сокровищницу. Он принялся считать блестящие монетки и пересыпать их в мешки. Наконец в горшке больше ничего не осталось. Казначей в последний раз заглянул в горшок и увидел на дне его бумажку, на которой было написано:

«Враги напали на мою страну. Я закопал в этом месте часть моих сокровищ. Пусть знает всякий, кто найдёт это золото, что если он сейчас же не отдаст его моему сыну, он лишится милости своего короля.

Король Сади»

Хитрый казначей разорвал бумажку и решил никому не говорить про неё.

А Маленький Мук сидел в высокой дворцовой башне и ду-

мал, как ему спастись. Он знал, что за кражу королевских денег его должны казнить, но ему всё-таки не хотелось рассказывать королю про волшебную трость: ведь король сейчас же её отнимет, а с нею вместе, пожалуй, и туфли. Туфли всё ещё были у карлика на ногах, но от них не было никакого проку — Маленький Мук был прикован к стене короткой железной цепью и никак не мог повернуться на каблуке.

Утром в башню пришёл палач и приказал карлику готовиться к казни. Маленький Мук понял, что раздумывать нечего — надо открыть королю свою тайну. Ведь всё-таки лучше жить без волшебной палочки и даже без туфель-сорокоходов, чем умереть на плахе.

Он попросил короля выслушать его наедине и всё ему рассказал. Король сначала не поверил и решил, что карлик всё это выдумал.

— Ваше величество, — сказал тогда Маленький Мук, — обещайте мне пощаду, и я вам докажу, что говорю правду.

Королю было интересно проверить, обманывает его Мук или нет. Он велел потихоньку закопать в своём саду несколько золотых монет и приказал Муку найти их. Карлику не пришлось долго искать. Как только он дошёл до того места, где было закопано золото, палочка три раза ударила о землю. Король понял, что казначей сказал ему неправду, и велел его казнить вместо Мука. А карлика он позвал к себе и сказал:

— Я обещал не убивать тебя и сдержу своё слово. Но ты, наверно, открыл мне не все твои тайны. Ты будешь сидеть в башне до тех пор, пока не скажешь мне, отчего ты так быстро бегаешь.

Бедному карлику очень не хотелось возвращаться в тёмную, холодную башню. Он рассказал королю про свои чудесные туфли, но самого главного — как

их остановить — не сказал. Король решил сам испытать эти туфли. Он надел их, вышел в сад, и, как бешеный, помчался по дорожке. Скоро он захотел остановиться, но не тут-то было. Напрасно он хватался за кусты и деревья — туфли всё тащили и тащили его вперёд. А карлик стоял и посмеивался. Ему было очень приятно хоть немного отомстить этому жестокому королю.

Наконец король выбился из сил и упал на землю. Опомнившись немного, он вне себя от ярости набросился на карлика.

— Так вот как ты обращаешься со своим королём! — закричал он. — Я обещал тебе жизнь и свободу, но если ты через двенадцать часов ещё будешь на моей земле, я тебя поймаю, и тогда уж не рассчитывай на пощаду. А туфли и тросточку я возьму себе.

Бедному карлику ничего не оставалось, как поскорей убираться из дворца. Печально поплёлся он по городу. Он был такой же бедный и несчастный, как прежде, и горько проклинал свою судьбу.

Страна этого короля была, к счастью, не очень большая, так что уже через восемь часов карлик дошёл до границы. Теперь он был в безопасности, и ему захотелось отдохнуть. Он свернул с проезжей дороги и вошёл в густой лес. Там он отыскал хорошее местечко около пруда, под густыми деревьями, и лёг на траву.

Маленький Мук так устал, что почти сейчас же заснул. Спал он очень долго и, когда проснулся, почувствовал, что голоден. Над его головой, на деревьях, висели винные ягоды — спелые, мясистые, сочные.

Карлик взобрался на дерево, сорвал несколько ягод и с удовольствием съел их. Потом ему захотелось пить. Он подошёл к пруду, наклонился над водой и весь похолодел: из воды на него смотрела огромная голова с ослиными ушами и длинным-предлинным носом.

Маленький Мук в ужасе схватился за уши. Они и вправду были длинные, как у осла.

— Так мне и надо! — закричал бедный Мук. — У меня было в руках моё счастье, а я, как осёл, погубил его.

Он долго ходил под деревьями, всё время ощупывая свои уши, и наконец опять проголодался. Пришлось снова приняться за

винные ягоды. Ведь больше есть было нечего.

Наевшись досыта, Маленький Мук, по привычке, поднёс руки к голове и радостно вскрикнул: вместо длинных ушей у него опять были его собственные уши. Он сейчас же побежал к пруду и посмотрелся в воду. Нос у него тоже стал такой же, как прежде.

«Как же это могло случиться?» — подумал карлик. И вдруг он сразу всё понял: первое дерево, с которого он поел ягод, наградило его ослиными ушами, а от ягод второго они исчезли.

Маленький Мук мигом сообразил, какое ему опять привалило счастье. Он нарвал с обоих деревьев столько ягод, сколько мог снести, и пошёл обратно в страну жестокого короля.

В ту пору была весна, и всякие ягоды и плоды считались редкостью.

Вернувшись в тот город, где жил король, Маленький Мук переоделся, чтобы никто его не мог узнать, наложил полную корзину ягод с первого дерева и пошёл к королевскому дворцу. Дело было утром, и перед воротами дворца сидело много торговков со всякими припасами. Мук также уселся рядом с ними. Вскоре из дворца вышел главный повар и принялся обходить торговков и осматривать их товар. Дойдя до Маленького Мука, повар увидел винные ягоды и очень обрадовался.

— Ага, — сказал он, — вот подходящее лакомство для короля! Сколько ты хочешь за всю корзину?

Маленький Мук не стал дорожиться, и главный повар взял корзину с ягодами и ушёл. Только он успел уложить ягоды на блюдо, как король потребовал завтрак. Он кушал с большим удовольствием и то и дело похваливал своего повара. А повар только посмеивался себе в бороду и говорил:

— Подождите, ваше величество, самое вкусное блюдо ещё впереди.

Все, кто был за столом — придворные, принцы и принцессы, — напрасно старались догадаться, какое лакомство приготовил им сегодня главный повар. И когда наконец на стол подали хрустальное блюдо, полное спелых винных ягод, все в один голос воскликнули: «Ах!» — и даже захлопали в ладоши.

Король сам взялся делить ягоды. Принцы и принцессы получили по две штуки, придворным досталось по одной, а остальные король приберёт для себя — он был очень жадный и любил сладкое. Король положил ягоды на тарелку и с удовольствием принялся их есть.

— Отец, отец, — вдруг закричала принцесса Амарза, — что такое сделалось с твоими ушами?

Король потрогал свои уши руками и вскрикнул от

ужаса. Уши у него стали длинные, как у осла. Нос тоже вдруг вытянулся до самого подбородка. Принцы, принцессы и придворные были немногим лучше на вид: у каждого на голове появился такое же украшение.

— Доктора, доктора скорей! — закричал король.

Сейчас же послали за докторами. Их пришла целая толпа. Они прописывали королю разные лекарства, но лекарства не помогли. Одному принцу даже сделали операцию — отрезали уши, но они снова отросли.

Маленький Мук скрывался в одном потайном месте. Дня через два он решил, что пришло время действовать. На деньги, полученные за винные ягоды, он

купил себе большой чёрный плащ и высокий остроко-
нечный колпак. Чтобы его совсем не могли узнать, он
привязал себе к подбородку длинную белую бороду.
Захватив с собой корзину ягод со второго дерева, кар-
лик пришёл во дворец и сказал, что может вылечить

короля. Сначала ему никто не поверил. Тогда Мук
предложил одному принцу попробовать его лечение.
Принц съел несколько ягод, и длинный нос и ослиные
уши у него пропали. Тут уж придворные толпой бро-
сились к чудесному доктору. Но король опередил всех.
Он молча взял карлика за руку, привёл его в свою
сокровищницу и сказал:

— Вот перед тобой все мои богатства. Бери что

хочешь, только вылечи меня от этой постыдной болезни.

Маленький Мук сейчас же заметил в углу комнаты свою волшебную тросточку и туфли-сороходы. Он принялся ходить взад и вперёд, словно разглядывая королевские богатства, и незаметно подошёл к туфлям. Мигом надел он их на ноги, схватил тросточку и сорвал с подбородка бороду. Король чуть не упал от удивления, увидев знакомое лицо своего главного сорохода.

— Злой король! — закричал Маленький Мук. — Так-то ты оплатил мне за мою верную службу? Оставь же на всю жизнь длинноухим уродом и вспоминай Маленького Мука!

Он быстро повернулся три раза на каблуке и, прежде чем король успел сказать слово, был уже далеко.

С тех пор Маленький Мук живёт в нашем городе. Ты видишь, как много приключений он испытал. Его нужно уважать, хоть он с виду и смешной.

Вот какую историю рассказал мне мой отец. Я перedal всё это другим мальчишкам, и ни один из нас никогда больше не смеялся над карликом. Напротив, мы его очень уважали и так низко кланялись ему на улице, словно он был начальник города или главный судья.

КАРЛИК НОС

В одном большом германском городе жил когда-то сапожник Фридрих со своей женой Ханной. Весь день он сидел у окна и клал заплатки на башмаки и туфли. Он и новые башмаки брался шить, если кто заказывал, но тогда ему приходилось сначала покупать кожу. Запастись товар заранее он не мог — денег не было.

А Ханна продавала на рынке плоды и овощи со своего маленького огорода. Она была женщина опрятная и умела красиво разложить товар, поэтому у неё всегда было много покупателей.

У Ханны и Фридриха был сын Яков — стройный, красивый мальчик, довольно высокий для своих двенадцати лет. Обыкновенно он сидел возле матери на базаре. Когда какой-нибудь повар или кухарка поку-

пали у Ханны сразу много овощей, Яков помогал им донести покупку до дому и редко возвращался назад с пустыми руками. Покупатели Ханны любили хорошего мальчика и почти всегда дарили ему что-нибудь: цветок, пирожное или монетку.

Однажды Ханна, как всегда, торговала на базаре. Перед ней стояло несколько корзин с капустой, картошкой, кореньями и всякой зеленью. Тут же, в маленькой корзинке, красовались ранние груши, яблоки, абрикосы.

Яков сидел возле матери и громко кричал:

— Сюда, сюда, повара, кухарки! Вот хорошая капуста, зелень, груши, яблоки! Кому надо? Мать дешёво отдаст!

И вдруг к ним подошла какая-то бедно одетая старуха с маленькими красными глазками, острым, сморщенным от старости личиком и длинным-предлинным носом, который спускался до самого подбородка. Старуха опиралась на костыль, и удивительно было, что она вообще может ходить: она хромала, скользила и переваливалась, точно у неё на ногах были колёса. Казалось, вот-вот она упадёт и ткнётся своим острым носом в землю.

Ханна с любопытством смотрела на старуху. Вот уже без малого шестнадцать лет, как она торгует на базаре, а такой чудной старушонки ещё ни разу не видела. Ей даже немного жутко стало, когда старуха остановилась возле её корзин.

— Это вы Ханна, торговка овощами? — спросила старуха скрипучим голосом, всё время тряся головой.

— Да, — ответила жена сапожника. — Вам угодно что-нибудь купить?

— Увидим, увидим, — пробормотала себе под нос старуха. — Зелень поглядим, корешки посмотрим. Есть ли ещё у тебя то, что мне нужно...

Она нагнулась и стала шарить своими длинными коричневыми пальцами в корзине с пучками зелени,

которые Ханна разложила так красиво и аккуратно. Возьмёт пучок, поднесёт к носу и обнюхивает со всех сторон, а за ним — другой, третий.

У Ханны прямо сердце разрывалось — до того ей тяжело было смотреть, как старуха обращается с её зеленью. Но она не могла сказать ей ни слова — покупатель ведь имеет право осматривать товар. Кроме того, она всё больше и больше боялась этой старухи.

Переворотив всю зелень, старуха выпрямилась и проворчала:

— Плохой товар!.. Плохая зелень!.. Ничего нет из того, что мне нужно. Пятьдесят лет назад было куда лучше!.. Плохой товар! Плохой товар!

Эти слова рассердили маленького Якова.

— Эй ты, бессовестная старуха! — крикнул он. — Перенюхала всю зелень своим длинным носом, перемяла корешки корявыми пальцами, так что теперь их никто не купит, и ещё ругаешься, что плохой товар! У нас сам герцогский повар покупает!

Старуха искоса поглядела на мальчика и сказала хриплым голосом:

— Тебе не нравится мой нос, мой прекрасный длинный нос? И у тебя такой же будет, до самого подбородка.

Она подкатилась к другой корзине, с капустой, вынула из неё несколько чудесных, белых кочанов и так сдавила их, что они жалобно затрещали. Потом она кое-как побросала кочаны обратно в корзину и снова проговорила:

— Плохой товар! Плохая капуста!

— Да не трясись ты так противно головой! — закричал Яков. — У тебя шея не толще кочерыжки — того и гляди, обломится, и твоя голова упадёт в нашу корзину. Кто у нас тогда что купит?

— Так у меня, по-твоему, слишком тонкая шея? — сказала старуха, всё так же усмехаясь. — Ну, а ты

будешь совсем без шеи. Голова у тебя будет торчать прямо из плеч — по крайней мере, не свалится с тела.

— Не говорите мальчику таких глупостей! — сказала наконец Ханна, не на шутку рассердившись. — Если вы хотите что-нибудь купить, так покупайте скорей. Вы у меня разгоните всех покупателей.

Старуха сердито поглядела на Ханну.

— Хорошо, хорошо, — проворчала она, — пусть будет по-твоему. Я возьму у тебя эти шесть кочанов капусты. Но только у меня в руках костыль, и я не могу сама ничего нести. Пусть твой сын донесёт мне покупку до дому. Я его хорошо награжу за это.

Якову очень не хотелось идти, и он даже заплакал — он боялся этой страшной старухи. Но мать строго приказала ему слушаться — ей казалось грешно заставлять старую, слабую женщину нести такую тяжесть. Вытирая слёзы, Яков положил капусту в корзину и пошёл следом за старухой.

Она брела не очень-то скоро, и прошёл почти час, пока они добрались до какой-то дальней улицы на окраине города и остановились перед маленьким, полуразвалившимся домиком. Старуха вынула из кармана какой-то заржавленный крючок, ловко всунула его в дырочку в двери, и вдруг дверь с шумом распахнулась. Яков вошёл и застыл на месте от удивления: потолки и стены в доме были мраморные, кресла, стулья и столы — из чёрного дерева, украшенного золотом и драго-

ценными камнями, а пол был стеклянный и до того гладкий, что Яков несколько раз поскользнулся и упал.

Старуха приложила к губам маленький серебряный свисток и как-то по-особенному, раскатисто, свистнула — так, что свисток затрещал на весь дом.

И сейчас же по лестнице быстро побежали вниз морские свинки — совсем необыкновенные морские свинки, которые ходили на двух лапках. Вместо башмаков у них были ореховые скорлупки, и одеты эти свинки были совсем как люди — даже шляпы не забыли захватить.

— Куда вы девали мои туфли, негодницы! — закричала старуха и так ударила свинок палкой, что они с визгом подскочили. — Долго ли я ещё буду здесь стоять?..

Свинки бегом побежали вверх по лестнице, принесли две скорлупки кокосового ореха на кожаной подкладке и ловко надели их старухе на ноги.

Старуха сразу перестала хромать. Она отшвырнула свою палку в сторону и быстро-быстро заскользила по стеклянному полу, таща за собой маленького Якова. Ему было даже трудно поспевать за ней, до того проворно она двигалась в своих кокосовых скорлупках.

Наконец старуха остановилась в какой-то комнате, где было много всякой посуды. Это, видимо, была кухня, хотя полы в ней были устланы коврами, а на диванах лежали вышитые подушки, как в каком-нибудь дворце.

— Садись, сынок, — ласково сказала старуха и усадила Якова на диван, пододвинув к дивану стол, чтобы Яков не мог никуда уйти со своего места. — Отдохни хорошенько — ты, наверно, устал. Ведь человеческие головы — нелёгкая ноша.

— Что вы такое чудное говорите! — закричал Яков. — Устать-то я и вправду устал, но я нёс не головы, а кочаны капусты. Вы купили их у моей матери.

— Это ты неверно говоришь, — сказала старуха и засмеялась.

И, раскрыв корзинку, она вытащила из неё за волосы человеческую голову.

Яков чуть не упал, до того испугался. Он сейчас же подумал о своей матери. Ведь если кто-нибудь узнает про эти головы, на неё мигом донесут, и ей придётся плохо.

— Нужно тебя ещё наградить за то, что ты такой послушный, — продолжала старуха. — Потерпи немного: я сварю тебе такой суп, что ты его до смерти вспоминать будешь.

Она снова свистнула в свой свисток, и на кухню примчались морские свинки, одетые как люди: в передниках, с поварёшками и кухонными ножами за поясом. За ними прибежали белки — много белок, тоже на двух ногах; они были в широких шароварах и зелёных бархатных шапочках. Это, видно, были поварята. Они быстро-быстро карабкались по стенам и приносили к плите миски и сковородки, яйца, масло, коренья и муку. А у плиты суетилась, катаясь назад и вперёд на своих кокосовых скорлупках, сама старуха — ей, видно, очень хотелось сварить для Якова что-нибудь хорошее. Огонь под плитой разгорался всё сильнее, на сковородках что-то шипело и дымилось, по комнате разносился приятный, вкусный запах. Старуха металась то туда, то сюда и то и дело совала в горшок с супом свой длинный нос, чтобы посмотреть, не готово ли кушанье.

Наконец в горшке что-то заклокотало и забулькало, из него повалил пар, и на огонь полилась густая пена.

Тогда старуха сняла горшок с плиты, отлила из

него супу в серебряную миску и поставила миску перед Яковом.

— Кушай, сынок, — сказала она. — Поешь этого супу и будешь такой же красивый, как я. И поваром хорошим сделаешься — надо же тебе знать какое-нибудь ремесло.

Яков не очень хорошо понимал, что это старуха бормочет себе под нос, да и не слушал её — больше был занят супом. Мать часто стряпала для него всякие вкусные вещи, но ничего лучше этого супа ему ещё не приходилось пробовать. От него так хорошо пахло зеленью и кореньями, он был одновременно и сладкий и кисловатый и к тому же очень крепкий.

Когда Яков почти что доел суп, свинки зажгли на маленькой жаровне какое-то куренье с приятным запахом, и по всей комнате поплыли облака голубоватого дыма. Он становился всё гуще и гуще, всё плотней и плотней окутывал мальчика, так что у Якова наконец закружилась голова. Напрасно говорил он себе, что ему пора возвращаться к матери, напрасно пытался встать на ноги. Стоило ему приподняться, как он снова падал на диван — до того ему вдруг захотелось спать. Не прошло и пяти минут, как он и вправду заснул на диване, в кухне безобразной старухи.

И увидел Яков удивительный сон. Ему приснилось, будто старуха сняла с него одежду и завернула его в беличью шкурку. Он научился прыгать и скакать, как белка, и подружился с другими белками и свинками. Все они были очень хорошие.

И стал Яков, как они, прислуживать старухе. Сначала ему пришлось быть чистильщиком обуви. Он должен был смазывать маслом кокосовые скорлупки, которые старуха носила на ногах, и так натирать их тряпочкой, чтобы они блестели. Дома Якову часто приходилось чистить туфли и башмаки, так что дело быстро пошло у него на лад.

Примерно через год его перевели на другую, бо-

лее трудную должность. Вместе с несколькими другими белками он вылавливал пылинки из солнечного луча и просеивал их сквозь самое мелкое сито, а потом из них пекли для старухи хлеб. У неё во рту не осталось ни одного

зуба, потому-то ей и приходилось есть булки из солнечных пылинок, мягче которых, как все знают, нет ничего на свете.

Ещё через год Якову было поручено добывать старухе воду для питья. Вы думаете, у неё был вырыт на дворе колодец или поставлено ведро, чтобы собирать в него дождевую воду? Нет, простой воды старуха и в рот не брала. Яков с белками собирал в ореховые скорлупки росу с цветов, и старуха только её и пила. А пила она очень много, так что работы у водоносов было по горло.

Прошёл ещё год, и Яков перешёл служить в комнаты — чистить полы. Это тоже оказалось не очень-то лёгким делом: полы-то ведь были стеклянные — на них дохнёшь, и то видно. Яков чистил их щётками и натирал суконкой, которую навёртывал себе на ноги.

На пятый год Яков стал работать на кухне. Это была работа почётная, к которой допускали с разбором, после долгого испытания. Яков прошёл все должности, от поварёнка до старшего пирожного мастера, и стал таким опытным и искусным поваром, что даже сам на себя удивлялся. Чего только он не выучился стряпать!

Самые замысловатые кушанья — пирожное двухсот сортов, супы из всех трав и корней, какие есть на свете, — всё он умел приготовить быстро и вкусно.

Так Яков прожил у старухи лет семь. И вот однажды она надела на ноги свои ореховые скорлупки, взяла костыль и корзину, чтобы идти в город, и приказала Якову ощипать курицу, начинить её зеленью и хорошенько подрумянить. Яков сейчас же принялся за работу. Он свернул птице голову, ошпарил её всю кипятком, ловко ощипал с неё перья, выскоблил кожу, так что она стала нежная и блестящая, и вынул внутренности. Потом ему понадобились травы, чтобы начинить ими курицу. Он пошёл в кладовую, где хранилась у старухи всякая зелень, и принялся отбирать то, что ему было нужно. И вдруг он увидел в стене кладовой маленький шкафчик, которого раньше никогда не замечал. Дверца шкафчика была приоткрыта. Яков с любопытством заглянул в него и видит — там стоят какие-то маленькие корзиночки. Он открыл одну из них и увидел в ней диковинные травы, какие ему ещё никогда не попадались. Стебли у них были зеленоватые, и на каждом стебельке — яркочерный цветочек с жёлтым ободком. Яков поднёс один цветок к носу и вдруг почувствовал знакомый запах — такой же, как у супа, которым старуха накормила его, когда он к ней пришёл. Запах был до того сильный, что Яков громко чихнул несколько раз и проснулся.

Он с удивлением осмотрелся кругом и увидел, что лежит на том же диване, в кухне у старухи.

«Ну и сон же это был! Прямо будто наяву! — подумал Яков. — Вот-то матушка посмеётся, когда я ей всё это расскажу! И попадёт же мне от неё за то, что я заснул в чужом доме, вместо того чтобы вернуться к ней на базар!»

Он быстро вскочил с дивана и

хотел бежать к матери, но почувствовал, что всё тело у него точно деревянное, а шея так совсем окоченела — он еле-еле мог шевельнуть головой. Он то и дело задевал носом за стену или за шкаф, а раз, когда быстро повернулся, даже больно ударился о дверь.

Белки и свинки бежали вокруг Якова и пищали — видно, им не хотелось его отпускать. Выходя из дома старухи, Яков поманил их за собой — ему тоже было жалко с ними расставаться, — но они быстро укатили назад в комнаты на своих скорлупках, и мальчик долго ещё слышал издали их жалобный писк.

Домик старухи, как мы уже знаем, был далеко от рынка, и Яков долго пробирался узкими, извилистыми переулками, пока не добрался до рынка. На улицах толпилось очень много народу. Где-то поблизости, наверное, показывали карлика, потому что все вокруг Якова кричали:

— Посмотрите, вот безобразный карлик! Откуда он взялся, этот карлик? Ну и длинный же у него нос! А голова — прямо на плечах торчит, без шеи! А руки-то, руки! Поглядите — до самых пяток!

Яков в другое время с удовольствием сбегал бы поглядеть на карлика, но сегодня ему было не до того — надо было спешить к матери.

Наконец Яков добрался до рынка. Он порядком побаивался, что ему попадёт от матери. Ханна всё ещё сидела на своём месте, и у неё в корзине было порядочно овощей — значит, Яков проспал не особенно долго. Уже издали он заметил, что его мать чем-то

опечалена. Она сидела молча, подперев рукой щёку, бледная и грустная.

Яков долго стоял, не решаясь подойти к матери. Наконец он собрался с духом и, подкравшись к ней сзади, положил ей руку на плечо и сказал:

— Мама, что с тобой? Ты на меня сердишься?

Ханна обернулась и, увидев Якова, вскрикнула от ужаса.

— Что тебе нужно от меня, страшный карлик? — закричала она. — Уходи, уходи! Я не терплю таких шуток!

— Что ты, матушка? — испуганно сказал Яков. — Ты, наверно, нездорова. Почему ты гонишь меня?

— Говорю тебе, уходи своей дорогой! — сердито крикнула Ханна. — От меня ты ничего не получишь за твои шуточки, противный урод!

«Она сошла с ума! — подумал бедный Яков. — Как мне теперь увести её домой?»

— Мамочка, посмотри же на меня хорошенько, — сказал он чуть не плача. — Я ведь твой сын Яков!

— Нет, это уж слишком! — закричала Ханна, обращаясь к своим соседкам. — Посмотрите на этого ужасного карлика! Он отпугивает всех покупателей, да ещё смеётся над моим горем! Говорит — я твой сын, твой Яков, негодяй этакий!

Торговки, соседки Ханны, разом вскочили на ноги и принялись ругать Якова:

— Как ты смеешь шутить над её горем! Её сына украли семь лет назад. А какой мальчик был — прямо картинка! Убирайся сейчас же, не то мы тебе глаза выцарапаем!

Бедный Яков не знал, что подумать. Ведь он же сегодня утром пришёл с матерью на базар и помог ей разложить овощи, потом отнёс к старухе домой капусту, зашёл к ней, поел у неё супу, немного поспал

и вот теперь вернулся. А торговки говорят про какие-то семь лет. И его, Якова, называют противным карликом. Что же с ними такое случилось?

Со слезами на глазах побрёл Яков с рынка. Раз мать не хочет его признавать, он пойдёт к отцу.

«Посмотрим, — думал Яков. — Неужели и отец тоже прогонит меня? Я стану у двери и заговорю с ним».

Он подошёл к лавке сапожника, который, как всегда, сидел там и работал, стал возле двери и заглянул в лавку. Фридрих был так занят работой, что сначала не заметил Якова. Но вдруг он случайно поднял голову, выронил из рук шило и дратву и вскрикнул:

— Что это такое? Что такое?

— Добрый вечер, хозяин, — сказал Яков и вошёл в лавку. — Как поживаете?

— Плохо, сударик мой, плохо! — ответил сапож-

ник, который тоже, видно, не узнал Якова. — Работа совсем не ладится. Мне уже много лет, а я один — чтобы нанять подмастерья, денег не хватает.

— А разве у вас нет сына, который мог бы вам помочь? — спросил Яков.

— Был у меня один сын, Яковом его звали, — ответил сапожник. — Теперь было бы ему годков двадцать. Он бы здорово поддержал меня. Ведь ему всего двенадцать лет было, а такой был умница! И в ремесле уже кое-что

смекал и красавец был писанный. Он бы уж сумел приманить заказчиков, не пришлось бы мне теперь класть заплатки — одни бы новые башмаки шил. Да уж, видно, моя судьба такая!

— А где же теперь ваш сын? — робко спросил Яков.

— Про то один господь знает, — ответил с тяжёлым вздохом сапожник. — Вот уже семь лет прошло, как его увели от нас на базаре.

— Семь лет! — с ужасом повторил Яков.

— Да, сударь мой, семь лет. Как сейчас помню, жена прибежала с базара, воеет, кричит: уж вечер, а дитя не вернулось. Она целый день его искала, всех спрашивала, не видали ли, — и не нашла. Я всегда говорил, что этим кончится. Наш Яков — что правда, то правда — был пригожий ребёнок, жена гордилась им и частенько посылала его отнести добрым людям овощи или что другое. Грех сказать — его всегда хорошо награждали, но я частенько говорил жене:

«Смотри, Ханна! Город большой, в нём много злых людей живёт. Как бы чего не случилось с нашим Яковом!» Так и вышло! Пришла в тот день на базар какая-то женщина, старая, безобразная, выбирала, выбирала товар и столько в конце концов накупила, что самой не отнести. Ханна, добрая душа, и пошли с ней мальчика. Так мы его больше и не видали.

— И, значит, с тех пор прошло семь лет?

— Весной семь будет. Уж мы и объявляли о нём и по людям ходили, спрашивали про мальчишку — его ведь многие знали, все его, красавчика, любили, — но сколько ни искали его, так и не нашли. И женщину ту, что у Ханны овощи покупала, никто с тех пор не видал. Одна древняя старуха — девяносто уже лет на свете живет — говорила Ханне, что это, может быть, злая колдунья Крейтервейс, что приходит в город раз в пятьдесят лет закупать провизию.

Так рассказывал отец Якова, постукивая молотком по сапогу и вытягивая длинную вощёную дратву. Теперь наконец Яков понял, что с ним случилось. Значит, он не во сне это видел, а вправду семь лет был белкой и служил у злой колдуньи. У него прямо сердце разрывалось с досады. Семь лет жизни у него украли старуха, а что он за это получил? Научился чистить кокосовые скорлупки и натирать стеклянные полы да всякие вкусные кушанья выучился готовить!

Долго стоял он на пороге лавки, не говоря ни слова. Наконец сапожник спросил его:

— Может быть, вам что-нибудь у меня приглянулось, сударь? Не возьмёте ли пару туфель или хотя бы, — тут он вдруг прыснул со смеху, — футляр для носа?

— А что такое с моим носом? — сказал Яков. — Зачем мне для него футляр?

— Воля ваша, — ответил сапожник, — но будь у меня такой ужасный нос, я бы, осмелюсь сказать, пря-

тал его в футляр — в хороший футляр из розовой лайки. Взгляните, у меня как раз есть подходящий кусочек. Правда, на ваш нос понадобится немало кожи. Но как вам будет угодно, сударик мой. Ведь вы, верно, частенько задеваете носом за двери.

Яков ни слова не мог сказать от удивления. Он пощупал свой нос — нос был толстый и длинный, четверти в две, не меньше. Видно, злая старуха превратила его в урода. Вот почему мать не узнала его.

— Хозяин, — чуть не плача, сказал он, — нет ли у вас здесь зеркала? Мне нужно посмотреть в зеркало, обязательно нужно.

— Сказать по правде, сударь, — ответил сапожник, — не такая у вас наружность, чтобы было чем гордиться. Незачем вам каждую минуту глядеться в зеркало. Бросьте эту привычку — уж вам-то она совсем не к лицу.

— Дайте, дайте мне скорей зеркало! — взмолился Яков. — Уверяю вас, мне очень нужно. Я, правда, не из гордости...

— Да ну вас совсем! Нет у меня зеркала! — рассердился сапожник. — У жены было одно малюсенькое, да не знаю, куда она его задевала. Если уж вам так не терпится на себя посмотреть — вон напротив лавка цырюльника Урбана. У него есть зеркало; раза в два больше вас. Глядитесь в него сколько душе угодно. А затем — пожелаю вам доброго здоровья.

И сапожник легонько вытолкнул Якова из лавки и захлопнул за ним дверь. Яков быстро перешёл через улицу и вошёл к цырюльнику, которого он раньше хорошо знал.

— Доброе утро, Урбан, — сказал он. — У меня к вам большая просьба: будьте добры, позвольте мне посмотретья в ваше зеркало.

— Сделайте одолжение. Вон оно стоит в левом

простенке! — крикнул Урбан и громко расхохотался. — Полюбуйтесь, полюбуйтесь на себя, вы ведь настоящий красавчик — тоненький, стройный, шея лебединая, руки словно у королевы, а носик курносенький, — лучше нет на свете! Вы, конечно, немножко им щеголяете, ну да всё равно, посмотрите на себя. Пусть не говорят, что я из зависти не позволил вам посмотреться в моё зеркало.

Посетители, которые пришли к Урбану бриться и стричься, оглушительно хохотали, слушая его шутки. Яков подошёл к зеркалу и невольно отшатнулся. Слезы выступили у него на глазах. Неужели это он, этот уродливый карлик! Глаза у него стали маленькие, как у свиньи, огромный нос свешивался ниже подбородка, а шеи как будто и совсем не было. Голова глубоко ушла в плечи, и он почти совсем не мог её повернуть. А ростом он был такой же, как семь лет назад, — совсем маленький. Другие мальчишки за эти годы выросли вверх, а Яков рос в ширину. Спина и грудь у него были широкие-преширокие, и он был похож на большой, плотно набитый мешок. Тоненькие, коротенькие ножки едва несли его тяжёлое тело. А руки с крючковатыми пальцами были, наоборот, длинные, как у взрослого мужчины, и свисали почти до земли. Таков был теперь бедняга Яков.

«Да,—подумал он, глупо вздыхая,—немудрено, что ты не узнала своего сына, матушка! Не таков он был раньше, когда ты любила похвастать им перед соседками!»

Ему вспомнилось, как

старуха подошла в то утро к его матери. Всё, над чем он тогда смеялся — и длинный нос и безобразные пальцы, — получил он от старухи за свои насмешки. А шею она у него отняла, как обещала...

— Ну что, вдоволь насмотрелись на себя, мой красавчик? — спросил со смехом Урбан, подходя к зеркалу и оглядывая Якова с головы до ног. — Честное слово, такого смешного карлика и во сне не увидишь. Знаете, малыш, я хочу вам предложить одно дело. В моей цырюльне бывает порядочно народу, но не так много, как раньше. А всё потому, что мой сосед, цырюльник Шаум, раздобыл себе где-то великана, который приманивает к нему посетителей. Ну, стать великаном, вообще говоря, уж не так хитро, а вот такой крошка, как вы, — это другое дело. Поступайте ко мне на службу, малыш. И жильё, и пищу, и одежду — всё от меня будете получать, а работы-то всего — стоять у дверей цырюльни и зазывать народ. Да, пожалуй, ещё взбивать мыльную пену и подавать полотенце. И, наверняка вам скажу, мы оба останемся в выгоде: у меня будет больше посетителей, чем у Шаума с его великаном, а вам каждый ещё на чаёк даст.

Яков в душе очень обиделся, — как это ему предлагают быть приманкой в цырюльне! — но что поделаешь, приходилось стерпеть это оскорбление. Он спокойно ответил, что слишком занят и не имеет времени для такой работы, и ушёл.

Хотя тело у Якова было изуродовано, но голова работала хорошо, как прежде. Он почувствовал, что за эти семь лет сделался совсем взрослым.

«Не то беда, что я стал уродом, — размышлял он, идя по улице. — Обидно, что и отец и мать прогнали меня от себя, как собаку. Пспробую ещё раз поговорить с матерью. Может быть, она меня всё-таки узнает».

Он снова отправился на рынок и, подойдя к Хан-

не, попросил её спокойно выслушать, что он хочет ей сказать. Он напомнил ей, как его увела старуха, перечислил всё, что случилось с ним в детстве, и рассказал, что семь лет прожил у колдуньи, которая превратила его сначала в белку, а потом в карлика за то, что он над ней посмеялся.

Ханна не знала, что ей и думать. Всё, что говорил карлик про своё детство, было правильно, но чтобы он семь лет был белкой — этому она поверить не могла.

— Это невозможно! — воскликнула она.

Наконец Ханна решила посоветоваться со своим мужем.

Она собрала свои корзины и предложила Якову пойти вместе с ней в лавку сапожника. Когда они пришли, Ханна сказала мужу:

— Этот карлик говорит, что он наш сын Яков. Он мне рассказал, что его семь лет назад у нас украла и заколдовала волшебница.

— Ах, вот как! — сердито перебил её сапожник. — Он тебе, значит, всё это рассказал? Подожди, глупая! Я сам ему только что рассказывал про нашего Якова, а он, вишь, прямо к тебе, и давай тебя дурачить. Так тебя, говоришь, заколдовали? А ну-ка, я тебя сейчас расколдую.

И сапожник схватил ремень и, подскочив к Якову, так отхлестал его, что тот с громким плачем выскочил из лавки.

Целый день бродил бедный карлик по городу не евши, не пивши. Никто не пожалел его, и все над ним только смеялись. Ночевать ему пришлось на церковной лестнице, прямо на жёстких, холодных ступеньках.

Как только взошло солнце, Яков встал и опять пошёл бродить по улицам.

«Как же я буду жить дальше? — думал он. — Быть вывеской у цырюльника или показываться за

деньги я не хочу, а мать и отец меня прогнали. Что же мне придумать, чтобы не умереть с голоду?»

И тут Яков вспомнил, что пока он был белкой и жил у старухи, ему удалось научиться хорошо стряпать. И он решил поступить поваром к герцогу.

А герцог, правитель той страны, был известный объедала и лакомка. Он больше всего любил хорошо поесть и выписал себе поваров со всех концов земли.

Яков подождал немного, пока совсем рассвело, и направился к герцогскому дворцу.

Громко стучало у него сердце, когда он подошёл к дворцовым воротам. Привратники спросили его, что ему нужно, и начали над ним потешаться, но Яков не растерялся и сказал, что хочет видеть главного начальника кухни. Его повели какими-то дворами, и все, кто его только видел из герцогских слуг, бежали за ним и громко хохотали.

Скоро у Якова образовалась огромная свита. Конюхи побросали свои скребницы, мальчишки мчались наперегонки, чтобы не отстать от него, полотёры перестали выколачивать ковры. Все теснились вокруг Якова, и на дворе стоял такой шум и гомон, словно к городу подступили враги. Всюду слышались крики:

— Карлик! Карлик! Видели вы карлика?

Наконец на двор вышел дворцовый смотритель — заспанный толстый человек с огромной плёткой в руке.

— Эй вы, собаки! Что это за шум? — закричал он громовым голосом, немилосердно колотя своей плёткой по плечам и спинам конюхов и прислужников. — Не знаете вы разве, что герцог ещё спит?

— Господин, — отвечали привратники, — посмотрите, кого мы к вам привели! Настоящего карлика! Такого вы ещё, наверное, никогда не встречали.

Увидев Якова, смотритель сделал страшную гримасу и как можно плотнее сжал губы, чтобы не рассмеяться, — важность не позволяла ему хохотать пе-

ред конюхами. Он разогнал собравшихся своей плёткой и, взяв Якова за руку, ввёл его во дворец и спросил, что ему нужно. Услышав, что Яков хочет видеть начальника кухни, смотритель воскликнул:

— Неправда, сынок! Это я тебе нужен, дворцовый смотритель. Ты ведь хочешь поступить к герцогу в карлики, не так ли?

— Нет, господин, — ответил Яков. — Я хороший повар и умею готовить всякие редкостные кушанья. Отведите меня, пожалуйста, к начальнику кухни. Может быть, он согласится испытать моё искусство.

— Твоя воля, малыш, — ответил смотритель, — ты ещё, видно, глупый парень. Будь ты придворным карликом, ты мог бы ничего не делать, есть, пить, веселиться и ходить в красивой одежде, а ты хочешь на кухню! Но мы ещё посмотрим. Едва ли ты достаточно искусный повар, чтобы готовить кушанья самому герцогу, а для поварёнка ты слишком хорош.

Сказав это, смотритель отвёл Якова к начальнику кухни. Карлик низко поклонился ему и сказал:

— Милостивый господин, не нужен ли вам искусный повар?

Начальник кухни оглядел Якова с головы до ног и громко расхохотался.

— Ты хочешь быть поваром? — воскликнул он. — Что же, ты думаешь, у нас в кухне плиты такие низенькие? Ведь ты ничего на них не увидишь, даже если поднимешься на цыпочки. Нет, мой маленький друг, тот, кто тебе посоветовал поступить ко мне поваром, сыграл с тобой скверную шутку.

И начальник кухни снова расхохотался, а за ним — дворцовый смотритель и все те, кто был в комнате. Яков, однако, не смутился.

— Господин начальник кухни! — сказал он. — Вам, наверно, не жалко погубить одно-два яйца, немного муки, вина и приправ. Поручите мне приготовить какое-нибудь вкусное блюдо и велите подать всё, что мне для этого нужно. Я состряпаю кушанье быстро, у всех на глазах, и вы скажете: «Вот это настоящий повар!»

Долго уговаривал он начальника кухни, поблёскивая своими маленькими глазками и убедительно качая головой. Наконец начальник согласился.

— Ладно! — сказал он. — Давай попробуем шутки ради! Идёмте все на кухню — и вы тоже, господин смотритель дворца.

Он взял дворцового смотрителя под руку и приказал Якову следовать за собой. Долго шли они по

каким-то большим, роскошным комнатам и длинным коридорам и наконец пришли на кухню. Это было высокое, просторное помещение с огромной плитой на двадцать конфорок, под которыми день и ночь горел огонь. Посреди кухни был бассейн с водой, в котором держали живую рыбу, а по стенам стояли мраморные и деревянные шкафчики, полные драгоценной посуды. Рядом с кухней, в десяти громадных кладовых, хранились всевозможные припасы и лакомства. Повара, поварята, судомойки носились по кухне взад и вперед, гремя кастрюлями, сковородками, ложками и ножами. При появлении начальника кухни все замерли на месте, и в кухне сделалось совсем тихо; только огонь продолжал потрескивать под плитой и вода по-прежнему журчала в бассейне.

— Что заказал сегодня господин герцог к первому завтраку? — спросил начальник кухни главного заведующего завтраками — старого, толстого повара в высоком колпаке.

— Его светлость изволили заказать датский суп с красными гамбургскими клёцками, — почтительно ответил повар.

— Хорошо, — продолжал начальник кухни. — Ты слышал, карлик, чего господин герцог хочет покушать? Можно ли тебе доверить такие трудные блюда? Гамбургских клёцок тебе ни за что не состряпать. Это тайна наших поваров.

— Нет ничего легче, — ответил карлик (когда он был белкой, ему часто приходилось стряпать для старухи эти кушанья). — Для супа дайте мне таких-то и таких-то трав и пряностей, сала дикого кабана, яиц и кореньев. А для клёцок, — он заговорил тише, чтобы его не слышал никто, кроме начальника кухни и заведующего завтраками, — а для клёцок мне нужны четыре сорта мяса, немножко пива, гусиный жир, имбирь и трава, которая называется «утешение желудка».

— Клянусь честью, правильно! — закричал удивлённый повар. — Какой это чародей учил тебя стряпать? Ты всё до тонкости перечислил. А про травку «утешение желудка» я и сам в первый раз слышу от тебя. С нею клёцки, наверно, ещё лучше выйдут. Ты прямо чудо, а не повар!

— Вот никогда бы не подумал этого! — сказал начальник кухни. — Однако сделаем испытание. Дайте ему припасы, посуду и всё, что требуется, и пусть приготовит герцогу завтрак.

Поварята исполнили его приказание, но когда на плиту поставили всё, что было нужно, и карлик хотел приняться за стряпню, оказалось, что он едва достаёт до верха плиты кончиком своего длинного носа. Пришлось пододвинуть к плите стул, карлик взобрался на него и начал готовить. Повара, поварята, судомойки плотным кольцом окружили карлика и, широко раскрыв глаза от удивления, смотрели, как проворно и ловко он со всем управляется.

Подготовив кушанья к варке, карлик велел поставить обе кастрюли на огонь и не снимать их, пока он не прикажет. Потом он начал считать: «Раз, два, три, четыре», и, досчитав ровно до пятисот, крикнул: «Довольно!»

Поварята сдвинули кастрюли с огня, и карлик предложил начальнику кухни отведать его стряпни. Главный повар приказал подать золотую ложку, сполоснул её в бассейне и передал начальнику кухни. Тот торжественно подошёл к плите, снял крышки с дымящихся кастрюль и попробовал суп и клёцки. Проглотив ложку супа, он зажмурил глаза от наслаждения, несколько раз прищёлкнул языком и сказал:

— Прекрасно, прекрасно, клянусь честью! Не хотите ли и вы убедиться, господин дворцовый смотритель?

Смотритель дворца с поклоном взял ложку, попробовал и чуть не подскочил от удовольствия.

— Я не хочу вас обидеть, дорогой заведующий завтраками, — сказал он, — вы прекрасный, опытный повар, но такого супа и таких клёцок вам состряпать ещё не удавалось.

Повар тоже попробовал оба кушанья, почтительно пожал карлику руку и сказал:

— Малыш, ты — великий мастер! Твоя травка «утешение желудка» придаёт супу и клёцкам особенный вкус.

В это время в кухне появился слуга герцога и потребовал завтрак для своего господина. Кушанье тотчас же положили в серебряные тарелки и послали наверх. Начальник кухни, очень довольный, увёл карлика в свою комнату и хотел его расспросить, кто он и откуда явился. Но только что они уселись и начали беседовать, как за начальником пришёл посланный от герцога и сказал, что герцог его зовёт. Начальник кухни поскорее надел своё лучшее платье и отправился вслед за посланным в столовую.

Герцог сидел там, развалившись в своём глубоком кресле. Он дочиста съел всё, что было на тарелках, и вытирал губы шёлковым платком. Его лицо сияло, и он сладко жмурился от удовольствия.

— Послушай-ка, — сказал он, увидев начальника кухни, — я всегда был очень доволен твоей стряпнёй, но сегодня завтрак был особенно вкусен. Скажи мне, как зовут повара, который его готовил: я пошлю ему несколько дукатов в награду.

— Господин, сегодня случилась удивительная история, — сказал начальник кухни.

И он рассказал герцогу, как к нему привели утром карлика, который непременно хочет стать дворцовым поваром. Герцог, выслушав его рассказ, очень удивился. Он велел позвать карлика и стал его расспрашивать, кто он такой. Бедному Якову не хотелось говорить, что он семь лет был белкой и служил у старухи, но лгать он тоже не любил. Поэтому он только

сказал герцогу, что у него теперь нет ни отца, ни матери и что его научила стряпать одна старуха. Герцог долго потешался над странным видом карлика и наконец сказал ему:

— Так и быть, оставайся у меня. Я дам тебе в год пятьдесят дукатов, одно праздничное платье и сверх того две пары штанов. За это ты будешь каждый день сам готовить мне завтрак, наблюдать за тем, как стряпают обед, и вообще заведовать моим столом. А кроме того, всем, кто у меня служит, я даю прозвища. Ты будешь называться Карлик Нос и получишь звание помощника начальника кухни.

Карлик Нос поклонился герцогу до земли и поблагодарил его за милость. Когда герцог отпустил его, Яков радостный вернулся на кухню. Теперь наконец он мог не беспокоиться о своей судьбе и не думать о том, что будет с ним завтра.

Он решил хорошенько отблагодарить своего хозяина, и не только сам правитель страны, но и все его придворные не могли нахвалиться маленьким поваром. С тех пор как Карлик Нос поселился во дворце, герцог стал, можно сказать, совсем другим человеком. Прежде ему частенько случалось швырять в поваров тарелками и стаканами, если ему не нравилась их стряпня, а один раз он так рассердился, что запустил в самого начальника кухни плохо прожаренной телячьей ногой. Нога попала бедняге в лоб, и он после этого три дня пролежал в кровати. Все повара дрожали от страха, когда готовили герцогу кушанье.

Но с появлением Карлика Носа всё изменилось. Герцог теперь ел не три раза в день, как раньше, а пять раз и только похваливал искусство карлика. Всё казалось ему превкусным, и он становился день ото дня толще. Он часто приглашал карлика к своему столу вместе с начальником кухни и заставлял их отвеживать кушанья, которые они приготовили.

Жители города не могли надивиться на этого за-

мечательного карлика. Каждый день у дверей дворцовой кухни толпилось множество народу — все просили и умоляли главного повара, чтобы он позволил хоть одним глазком посмотреть, как карлик готовит кушанья. А городские богачи наперерыв добивались у герцога разрешения посылать на его кухню своих поваров, чтобы они могли учиться у карлика стряпать. Это давало карлику немалый доход — за каждого ученика ему платили в день по полдуката, — но он отдавал все деньги другим поварам, чтобы они ему не завидовали.

Так Яков прожил во дворце два года. Он был бы, пожалуй, даже доволен своей судьбой, если бы не вспоминал так часто об отце и матери, которые не узнали его и прогнали. Только это его и огорчало.

И вот однажды с ним произошёл такой случай.

Карлик Нос очень хорошо умел закупать припасы. Он всегда сам ходил на рынок и выбирал для герцогского стола гусей, уток, зелень и овощи. Как-то раз утром он пошёл на базар за гусями и долго не мог найти достаточно жирных птиц. Он несколько раз прошёлся по базару, выбирая гуся получше. Теперь уже никто не смеялся над карликом. Все низко ему кланялись и почтительно уступали дорогу. Каждая торговка была бы счастлива, если бы он купил у неё гуся.

Расхаживая взад и вперёд, Яков вдруг заметил в конце базара, в стороне от других торговок, одну женщину, которую не видел раньше. Она тоже продавала гусей, но не расхваливала свой товар, как другие, а сидела молча, не говоря ни слова. Яков подошёл к этой женщине и осмотрел её гусей. Они были как раз такие, как он хотел. Яков купил трёх птиц вместе с клеткой — двух гусаков и одну гусыню, — поставил клетку на плечо и пошёл обратно во дворец. И вдруг он заметил, что две птицы гогочут и хлопают крыльями, как полагается хорошим гусакам, а тре-

тья — гусыня — сидит тихо и даже как будто вздыхает.

«Эта гусыня больна, — подумал Яков. — Как только приду во дворец, сейчас же велю её прирезать, пока она не издохла».

И вдруг птица, словно разгадав его мысли, ясно и громко сказала:

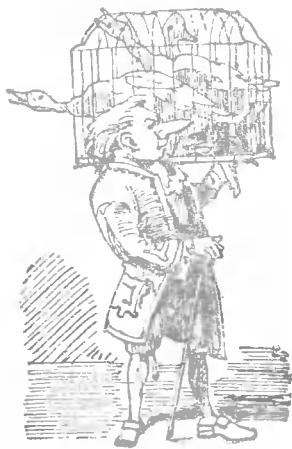
Ты не режь меня —
Заклюю тебя.
Если шею мне свернёшь,
Раньше времени умрёшь.

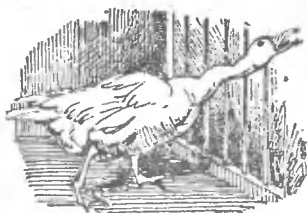
Яков чуть не уронил клетку.

— Вот чудеса! — закричал он. — Вы, оказывается, умеете говорить, госпожа гусыня! Не бойся, такую интересную птицу я не убью. Готов спорить, что ты не всегда ходила в гусиных перьях. Ведь был же и я когда-то маленькой белочкой.

— Твоя правда, — ответила гусыня. — Я не родилась птицей. Никто не думал, что Мими, дочь великого Веттербока, кончит жизнь под ножом повара на кухонном столе.

— Не беспокойтесь, дорогая Мими! — воскликнул Яков. — Не будь я честный человек и главный повар его светлости, если до вас кто-нибудь дотронется ножом! Вы будете жить в прекрасной клетке у меня в комнате, и я стану вас кормить и разговаривать с вами. А другим поварам я скажу, что откармливаю гуся особыми травами для самого герцога. И увидите — не пройдёт и месяца, как я придумаю способ выпустить вас на волю.

Мими со слезами на глазах поблагодарила карлика, и Яков исполнил всё, что обещал. Он сказал на кухне, что будет откармливать гусыню особым способом, которого никто не знает, и поставил её клетку у себя в комнате. Мими получала не гусиную пищу, а печенье, конфеты и всякие лакомства, и как только у Якова выдавалась свободная минутка, он тотчас же прибегал к ней поболтать.

Мими рассказала Якову, что её превратила в гусыню и занесла в этот город одна старая колдунья, с которой когда-то поссорился её отец, знаменитый волшебник Веттербок. Карлик тоже рассказал Мими свою историю, и Мими сказала:

— Я кое-что понимаю в колдовстве — мой отец немножко учил меня своей мудрости. Я догадываюсь, что старуха заколдовала тебя волшебной травкой, которую она положила в суп, когда ты принёс ей домой капусту. Если ты найдёшь эту травку и понюхаешь её, ты, может быть, снова станешь таким же, как все люди.

Это, конечно, не особенно утешило карлика: как же он мог найти эту травку? Но у него всё-таки появилась маленькая надежда.

Через несколько дней после этого к герцогу приехал погостить один князь — его сосед и друг. Герцог тотчас же позвал к себе карлика и сказал ему:

— Теперь пришло время показать, верно ли ты мне служишь и хорошо ли знаешь своё искусство. Этот князь, который приехал ко мне в гости, любит хорошо поесть и понимает толк в стряпне. Смотри же, готовь нам такие кушанья, чтобы князь каждый день удивлялся. И не вздумай, пока князь у меня в гостях, два раза подать к столу одно кушанье. Тогда тебе не будет пощады. Бери у моего казначея всё, что тебе

понадобится, хоть золото запечённое нам подавай, только бы не осрамиться перед князем.

— Не беспокойтесь, ваша светлость, — ответил Яков, низко кланаясь. — Я уж сумею угодить вашему лакомке-князю.

И Карлик Нос горячо принялся за работу. Целый день он стоял у пылающей плиты и без умолку отдавал приказания своим тоненьким голосом. Толпа поваров и поварят металась по кухне, ловя каждое его слово. Яков не щадил ни себя, ни других, чтобы угодить своему хозяину.

Уже две недели гостил князь у герцога. Они ели не меньше чем по пять раз в день, и герцог был в восторге. Он видел, что его гостю нравится стряпня карлика. На пятнадцатый день герцог позвал Якова в столовую, показал его князю и спросил, доволен ли князь искусством его повара.

— Ты прекрасно готовишь, — сказал князь карлику, — и понимаешь, что значит хорошо есть. За всё время, пока я здесь, ты ни одного кушанья не подал на стол два раза, и всё было очень вкусно. Но скажи мне, почему ты до сих пор не угостил нас «пирогом королевы»? Это самый вкусный пирог на свете.

У карлика упало сердце: он никогда не слышал о таком пироге. Но он и виду не подал, что смущён, и ответил:

— О господин, я надеялся, что вы ещё долго пробудете у нас, и хотел угостить вас «пирогом королевы» на прощанье. Ведь это — король всех пирогов, как вы сами хорошо знаете.

— Ах, вот как! — сказал герцог и рассмеялся. — Ты ведь и меня ни разу не угостил «пирогом королевы». Наверно, ты испечёшь его в день моей смерти, чтобы последний раз побаловать меня. Но придумай на этот случай какое-нибудь другое кушанье! А «пирог королевы» чтобы завтра был на столе! Слышишь?

— Слушаюсь, господин герцог, — ответил Яков и ушёл озабоченный и огорчённый.

Вот когда наступил день его позора! Откуда он узнает, как пекут этот пирог?

Он пошёл в свою комнату и стал горько плакать. Гусыня Мими увидела это из своей клетки и пожалела его.

— О чём ты плачешь, Яков? — спросила она, и когда Яков рассказал ей про «пирог королевы», она сказала: — Вытри слёзы и не огорчайся. Этот пирог часто подавали у нас дома, и я, кажется, помню, как его надо печь. Возьми столько-то муки и положи ещё такую-то и такую-то приправу — вот пирог и готов. А если в нём чего-нибудь не хватит — беда невелика. Герцог с князем всё равно не заметят. Не такой уж у них разборчивый вкус.

Карлик Нос подпрыгнул от радости и сейчас же принялся печь пирог. Сначала он сделал маленький пирожок и дал его попробовать начальнику кухни. Тот нашёл, что вышло очень вкусно. Тогда Яков испёк большой пирог и прямо из печи послал его к столу. А сам надел своё праздничное платье и пошёл в столовую посмотреть, как герцогу с князем понравится этот новый пирог.

Когда он входил, дворецкий как раз отрезал большой кусок пирога, на серебряной лопаточке подал его князю, а потом другой такой же — герцогу. Герцог откусил сразу полкуса, прожевал пирог, проглотил его и с довольным видом откинулся на спинку стула.

— Ах, как вкусно! — воскликнул он. — Недаром этот пирог называют королём всех пирогов. Но и мой карлик — король всех поваров. Не правда ли, князь?

Князь осторожно откусил крохотный кусочек, хорошенько прожевал его, растёр языком и сказал, снисходительно улыбаясь и отодвигая тарелку:

— Недурное кушанье! Но только ему далеко до «пирога королевы». Я так и думал!

Герцог весь покраснел с досады и сердито нахмурился.

— Скверный карлик! — закричал он. — Как ты смел так опозорить своего господина? За такую стряпню тебе следовало бы отрубить твою толстую башку!

— Господин! — закричал Яков, падая на колени. — Я испёк этот пирог, как полагается. В него положено всё, что надо.

— Ты лжёшь, негодяй! — закричал герцог и отпихнул карлика ногой. — Мой гость не стал бы напрасно говорить, что в пироге чего-то не хватает. Я тебя самого прикажу размолоть и запечь в пирог, урод ты этакий!

— Сжальтесь надо мной! — жалобно закричал карлик, хватая князя за полы его платья. — Не дайте мне умереть из-за горсти муки и мяса! Скажите, чего не хватает в этом пироге, чем он вам так не понравился?

— Это мало тебе поможет, мой милый Нос, — ответил князь со смехом. — Я уже вчера подумал, что тебе не испечь этого пирога так, как его печёт мой повар. В нём не хватает одной травки, которой у вас

никто не знает. Она называется «чихай на здоровье». Без этой травки у «пирога королевы» не тот вкус, и твоему господину никогда не придётся попробовать его таким, каким его делают у меня.

— Нет, я его попробую, и очень скоро! — закричал герцог. — Клянусь моей герцогской честью, либо вы завтра увидите на столе такой пирог, либо голова этого негодяя будет торчать на воротах моего дворца. Пошёл вон, собака! Даю тебе сроку двадцать четыре часа, чтобы спасти свою жизнь.

Бедный карлик, горько плача, пошёл к себе в комнату и пожаловался гусыне на своё горе. Теперь ему уже не миновать смерти! Ведь он никогда и не слыхивал о траве, которая называется «чихай на здоровье».

— Если в этом всё дело, — сказала Мими, — то я могу тебе помочь. Мой отец научил меня узнавать все травы. Будь это недели две назад, тебе, может быть, и вправду грозила бы смерть, но, к счастью, теперь новолуние, а в это время как раз и цветёт та трава. Есть где-нибудь около дворца старые каштаны?

— Да! Да! — радостно закричал карлик. — В саду, совсем близко отсюда, растёт несколько каштанов. Но зачем они тебе?

— Эта трава, — ответила Мими, — растёт только под старыми каштанами. Не будем попусту терять время и пойдём сейчас же её искать. Возьми меня на руки и вынеси из дворца.

Карлик взял Мими на руки, подошёл с ней к дворцовым воротам и хотел выйти. Но привратник преградил ему дорогу и сказал:

— Нет, мой милый Нос. Мне строго-настрого велено не выпускать тебя из дворца.

— Неужели мне и в саду нельзя погулять? — спросил карлик. — Будь добр, пошли кого-нибудь к смотрителю и спроси, можно ли мне ходить по саду и собирать траву.

Привратник послал спросить смотрителя, и смотритель позволил: сад ведь был обнесён высокой стеной, и убежать из него было невозможно.

Выйдя в сад, карлик осторожно поставил Мими на землю, и она, ковыляя, побежала к каштанам, которые росли на берегу озера. Яков, пригорюнившись, шёл за нею.

«Если Мими не найдёт той травки, — думал он, — я утоплюсь в озере. Это всё-таки лучше, чем дать отрубить себе голову».

Мими между тем побывала под каждым каштаном, перевернула клювом всякую былинку, но напрасно — травки «чихай на здоровье» нигде не было видно. Гусыня от горя даже заплакала.

Приближался вечер, темнело, и становилось всё труднее различать стебли трав. Случайно карлик взглянул на другой берег озера и радостно закричал:

— Посмотри, Мими, видишь — на той стороне ещё один большой старый каштан. Пойдём туда и поищем, может быть под ним растёт моё счастье.

Гусыня тяжело захлопала крыльями, поднялась на воздух и полетела, а карлик во всю прыть побежал за нею на своих маленьких ножках. Перейдя через мост, он подошёл к каштану. Каштан был густой и развесистый, под ним в полутьме почти ничего не было видно. И вдруг Мими замахала крыльями и даже подскочила от радости. Она быстро сунула клюв в траву, сорвала какой-то цветок и сказала, осторожно протягивая его Якову:

— Вот трава «чихай на здоровье». Здесь её растёт много-много, так что тебе надолго хватит.

Карлик взял цветок в руку и задумчиво посмотрел на него. От него шёл сильный, приятный запах, и Якову почему-то вспомнилось, как он стоял у старухи в кладовой, подбирая травы, чтобы начинить ими курицу, и нашёл такой же цветок — с зеленоватым стебельком и яркокрасной головкой, украшенной жёлтой каймой.

И вдруг Яков весь задрожал от волнения.

— Знаешь, Мими, — закричал он, — это, кажется, тот самый цветок, который превратил меня из белки в карлика. Попробую-ка я его понюхать.

— Подожди немножко, — сказала Мими. — Возьми с собой пучок этой травы, и вернёмся к тебе в комнату. Собери свои деньги и всё, что ты нажил, пока служил у герцога, а потом мы испробуем силу этой чудесной травки.

Яков послушался Мими, хотя сердце у него громко стучало от нетерпения. Он бегом прибежал к себе в комнату. Завязав в узелок сотню дукатов и несколько пар платья, он сунул свой длинный нос в цветы и понюхал их. И вдруг все его суставы затрещали, шея

вытянулась, голова сразу поднялась из плеч, нос стал делаться всё меньше и меньше, а ноги всё длиннее и длиннее, спина и грудь выровнялись, и он стал такой же, как все люди.

Мими с великим удивлением смотрела на Якова.
— Какой ты красивый! — закричала она. — Ты теперь совсем не похож на уродливого карлика!

Яков очень обрадовался. Ему захотелось сейчас же бежать к родителям и показаться им, но он помнил о своей спасительнице.

— Не будь тебя, дорогая Мими, я бы на всю жизнь остался карликом и, может быть, умер бы под топором палача, — сказал он, нежно поглаживая гусыню по спине и по крыльям. — Я должен тебя отблагодарить. Я отвезу тебя к твоему отцу, и он тебя расколдует. Он ведь умнее всех волшебников.

Мими залилась слезами от радости, а Яков взял её на руки и прижал к груди. Он незаметно вышел из дворца — ни один человек не узнал его — и отправился с Мими к морю, на остров Готланд, где жил её отец, волшебник Веттербок.

Они долго путешествовали и наконец добрались до этого острова. Веттербок сейчас же снял чары с Мими и дал Якову много денег и подарков. Яков немедленно вернулся в свой родной город. Отец и мать с радостью встретили его — он ведь стал такой красивый и привёз столько денег!

Надо ещё рассказать про герцога.

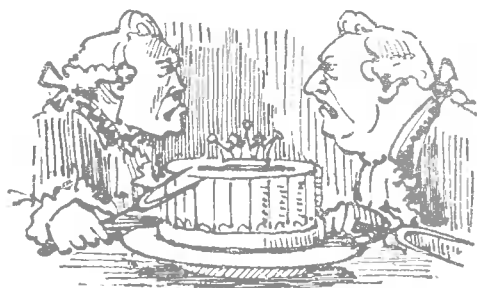
Утром на другой день герцог решил исполнить свою угрозу и отрубить карлику голову, если он не нашёл той травы, о которой говорил князь. Но Якова нигде не могли отыскать.

Тогда князь сказал, что герцог

нарочно спрятал карлика, чтобы не лишиться своего лучшего повара, и назвал его обманщиком. Герцог страшно рассердился и объявил князю войну. После многих битв и сражений они наконец помирились, и князь, чтобы отпраздновать мир, велел своему повару испечь настоящий «пирог королевы». Этот мир между ними так и назвали «Пирожный мир».

Вот и вся сказка о Карлике Носе.

Цена 1 р. 10 к.

Для начальной школы

Ответственный редактор В. Гакина. Художественный редактор Н. Яцкевич.
Технический редактор М. Кутузова. Корректоры Е. Балабан и
А. Ясиновская.

Сдано в набор 21/III 1952 г. Подписано к печати 6/V 1952 г. Формат 60 × 92¹/₁₆ —
— 2,125 бум. = 4,25 печ. л. (3,1 уч.-изд. л.). Тираж 400 000 экз. А02893. Заказ № 415.
Номинал — по прейскуранту 1952 года.

Фабрика детской книги Детгиза. Москва, Суцеский вал, 49.